

А вдруг каучуковые деревья в Сишуанбаньна привезли из тропиков?

— Я не уверен, в какой именно провинции растёт это дерево, но точно на самом юге, — Ю Цун небрежно взял со стола кисть из шерсти волка, макнул её в тушь и нарисовал упрощённый рисунок каучукового дерева. — Примерно так.

Когда-то давно, катаясь на слоне в Сишуанбаньна, он случайно врезался в такое дерево, так что запомнил это очень хорошо.

— Мне ясно, я немедленно отправлю разведчиков на поиски, — почтительно ответил Чжао Хуан.

«Ваше Величество действительно обладает широкими познаниями и отличной памятью. Должно быть, он прочёл множество книг, чтобы обрести столь выдающиеся знания!»

— Пошли нескольких, — Ю Цун вспомнил толпу уволенных работников из Гуанлусы и поднял руку. — Из тех, кого сократили в Гуанлусы, отбери подходящих людей. Жалованье дай щедрое, лучше всего каждому выдать по такому рисунку, пусть ищут по нему.

Тот, кто сможет принести семена каучукового дерева, будет считаться принесшим золотую гору.

Он опустил голову и отпил глоток чая, подумав, что от ежедневного чаепития он похудел. Нужно будет позже велеть служанкам выжать сок и добавить сахара.

Эскиз системы канализации в столице был выполнен по старому принципу — все керамические трубы прокладывались за домами и соединялись с поперечными и продольными каналами, всё было упорядоченно.

Ю Цун задумался и взмахнул кистью:

— Пока прокладываете так, не используйте слишком дорогие материалы. Когда казна пополнится, сделаем капитальный ремонт.

Министр Чжао поспешно согласился, перекинулся с ним ещё парой фраз и, сияя от радости, вернулся в Шесть министерств.

Ю Цун снова сел на драконий трон, вспоминая только что нарисованную схему канализации, и чувствовал, что что-то упустил.

Он помнил, что когда-то давно, играя в родной деревне, он видел такое устройство, как биогазовый реактор.

Хотя столица и была сердцем государства, помимо знати из Западного города и приезжих торговцев со всех сторон, местные простолюдины в основном жили земледелием и шелководством.

Можно ли организовать в эпоху Мин общий биогазовый реактор, чтобы обеспечить их газом для отопления или топливом?

Только бы не взорвалось.

— Лу Бин, принеси мою маленькую тетрадь, — приказал Ю Цун.

С тех пор как он задумал устроить что-то вроде вечерних новостей и гала-концерта на Праздник весны, он понял, что у него слишком много идей, и все их сразу не воплотить.

Пусть лучше они будут записаны в удобной и практичной тетради, а потом можно будет отметить по каждому пункту.

Столичные жители, хоть и были свободны, снова обнаружили что-то новое.

Сначала второй сын господина Чжао, который долго проработал в Министерстве общественных работ, вернулся и по секрету рассказал важную новость.

Хотя сын чиновника строго-настроено велел не разглашать, новость, словно на крыльях, за одну ночь разнеслась по всем переулкам.

Говорили, что император собирается построить за городом торговый район, специально для торговли простого народа!

— Как такое возможно? — презрительно фыркнула торговка капустой тётушка Ван, выдавшая виды. — С чего бы императору заботиться о таких мелочах, как наши ларьки? К тому же южные предместья так далеко, пока я дотащу туда товар, капуста сгниёт.

— Этот господин Чжао мелет чушь, — лениво проговорил рассказчик, щёлкая семечки. — Если бы император и вправду решил раскошиться на такое, я бы... я бы собственным лицом ему задницу вымыл!

Как бы то ни было, любой, кто хоть немного бывал в городе, мог заметить, что прямо за пределами дворца день за днём строится новое большое здание.

Это здание отличалось от обычных пятиугольных башен — оно было весьма странной формы.

Его вход был сделан очень широким, словно боялись, что люди раздавят дверные косяки.

В целом оно напоминало сплюснутую лепёшку, а обе его стороны были закруглены под большим углом. Если бы внутри заговорили, наверняка было бы громкое эхо.

— Чей это особняк построил какой-то важный чиновник? Форма-то какая чудная!

По мере того как здание росло от фундамента к стенам, зевая, собиравшихся неподалёку, становилось всё больше.

Они шумно переговаривались, гадая, что за важная шишка осмелилась построить такое прямо у ворот императорского дворца.

Некоторые особо смелые бездельники даже подходили и, ухмыляясь, спрашивали у надзирающих чиновников, для чего это здание.

К удивлению, господин чиновник не прогнал их, а совершенно серьёзно объяснил, что в будущем сюда будут входить простые люди, чтобы слушать указы и новости из дворца.

Бездельник остолбенел и поднял голову, проверяя, не взошло ли солнце на западе.

Что за чушь? Разве так можно?

Все рабочие и чиновники поблизости получили приказ: если кто-то спросит, для чего это здание, рассказывать всё как есть.

В столице и без того было много бездельников, и теперь, узнав эту новость, они наперебой обсуждали её.

Запретный город с его наглухо закрытыми воротами всегда был для них таинственным и запретным местом.

Если не удастся сдать экзамены и получить должность, то, вероятно, за всю жизнь так и не удастся с ним соприкоснуться.

Но теперь у Запретного города словно появился рот, позволяющий всем простым людям свободно входить и слушать.

— Вот это новость!

Ю Цун переоделся в обычную одежду и, взяв с собой своего цзиньивея, дважды выходил из

дворца посмотреть.

Хотя Чжишэнтам по звучанию напоминал «Цзышэнтам» и вызывал ассоциации с аптекой, строился он очень быстро — казалось, его закончат уже через два месяца.

Тот большой рынок хоть и не был грандиозным проектом, но стоило только возвести стены и здания ресторанов, всё остальное было бы легко — примерно три месяца.

Что касается кольцевых повозок вокруг столицы — восемь дворцовых экипажей уже изготавливаются, через месяц их можно будет расписать узорами и начать пробную эксплуатацию.

Ю Цун был весьма доволен осмотром. Он подумал, что запах навоза за стенами дворца наконец-то стал слабее, а здание построили в стиле оперного театра. Хотя микрофона не было, пресс-секретарь точно сможет донести слова до всех.

Лу Бин тоже переоделся в тёмно-синий халат и бесшумно стоял рядом, незаметно наблюдая за всем вокруг.

Император снова стал таким, каким был в детстве — любил поговорить, посмеяться и везде соваться.

Будучи цзиньвеем, ему приходилось полностью сосредоточиться на охране, не подпуская ни одного злоумышленника.

— Лу Бин, ты слышал о «Бяньифане»? — вдруг спросил император, глядя на деревянные леса у здания.

— «Бяньифан» — это та утиная лавка, что открылась ещё в эпоху Юнлэ и работает до сих пор? — Лу Бин на мгновение опешил, гадая, от кого император узнаёт столько всякой всячины. — Ваше Величество хочет туда сходить?

Ю Цун удивился: оказывается, этой утиной лавке так много лет — она, возможно, старше, чем его собственные предки.

Император прищурился, улыбнулся и, схватив господина Лу за рукав, потащил его за собой.

— Пошли есть утку!

В столице было всего две-три по-настоящему оживлённые торговые улицы.

Но по сравнению с тем временем, когда он впервые вышел из дворца и увидел убожество, теперь и дороги были отремонтированы, и лавки вдоль улиц выглядели куда лучше.

Настоящая династия Великая Мин, хоть и не дотягивала до роскоши из телесериалов, имела свой собственный колорит.

Пока Лу Бин слегка прокашлялся, выражая неловкость, император понял, что этот ресторан и есть тот самый «Бяньифан», о котором он мечтал.

Когда-то, отправляясь в командировку в Пекин, он тоже заходил туда поесть.

Мраморные полы, кондиционеры, ненатуральные китайские узелки и деревянные стулья — всё это выглядело как-то ни то ни сё.

Хотя со вкусом в интерьере было плоховато, утка была неплоха — не сказать, что очень вкусно, но определённо пекинский колорит.

Лу Бин, похоже, был здесь завсегдатаем. Как только слуга увидел у него на поясе нефритовую подвеску с орнаментом таоте, он почтительно окликнул его «господин Лу», подбежал и проводил их в отдельный кабинет наверху, принеся фрукты и семечки.

Ю Цун дождался, пока тот закажет несколько блюд, и поднял руку:

— Принесите одну утку.

Лу Бин задумался и всё же сказал:

— Одной... может не хватить.

— Ничего, — улыбнулся Ю Цун. — Если не съедим, заберём с собой на ужин.

Вроде бы логично.

Лу Бин подумал, что, хорошо, что его брат стал императором не по правилам. Если бы прежний государь так поступил, историки бы не знали, как это описывать.

В ожидании еды Лу Бин, как и прежде, когда он дежурил во Дворце Чяньцин, сидел с бесстрастным лицом, не проронив ни слова.

— А-Пан, — серьёзно сказал Ю Цун. — Если ты будешь и дальше таким молчуном, я тебя побью.

Лу Бин удивлённо моргнул, подумав, что император в последнее время стал слишком беспокойным, и тихо хмыкнул в ответ.

Ю Цун лёг на чистый дубовый стол и начал играть с нефритовой подвеской с орнаментом таоте на поясе Лу Бина, спросив как бы невзначай:

— Кто тебе её подарил?

Лу Бин замер, потом медленно ответил:

— Когда нам было по девять лет, мы обменялись подвесками.

Ю Цун опешил — оказывается, это он сам подарил. Он попал в неловкое положение.

Он не знал ни истории их детской дружбы, ни того, куда делась подвеска, которую Лу Бин подарил ему.

Надо будет как-нибудь найти её.

Сейчас во всём дворце только он мог быть его другом, и нельзя было допустить промаха.

Всех важных сановников нужно держать при помощи власти, даже если их характер ему нравится, нельзя опускаться до дружбы с ними.

С другими талантливыми людьми и поэтами тоже не было возможности сблизиться — Сюй Вэньчан всё ещё где-то пропадал.

Таким образом, Лу Бин оставался единственным человеком в его кругу общения.

— Ты же знаешь, после болезни я многое забыл, — Ю Цун принял безмятежное и невинное выражение лица и осторожно спросил: — А на той подвеске, что ты мне подарил, какой был узор?

Лу Бин пристально посмотрел на него и тихо ответил:

— Две рыбы.

«Запомнил. Потом велю евнуху Хуану поискать получше».

Пока они разговаривали, на стол подали четыре-пять холодных закусок и целую утку, с

которой капал жир.

Лепёшки были только что приготовлены на пару. Ю Цун раньше таких не пробовал и, нечаянно прикоснувшись, обжёгся и зашипел.

— Позвольте мне, выпейте пока чаю, — Лу Бин предусмотрительно проглотил слово «Ваше Величество», слегка наклонился и, используя чистый серебряный нож, начал нарезать для него утку.

Ю Цун за последнее время привык к обслуживанию и ему нравилось быть беспечным. Он, попивая зелёный чай, попробовал несколько хрустящих креветок и разыграл аппетит.

Свежий зелёный лук и огурец были нарезаны ровными кусочками. Лу Бин, искусный в боевых искусствах, держал серебряный нож ровно и быстро — не прошло и минуты, как он нарезал половину утки.

Каждую пекинскую утку откармливали так, что она становилась как воздушный шар: кожица хрустящая, жирная, мясо нежное — невероятно вкусно.

Господин цзиньвей заворачивал одну порцию, император проглатывал её за два-три раза. Они работали как конвейер: пока половина утки была нарезана, Ю Цун уже сыто икнул.

— Кожица у этой утки и правда хрустящая, — удовлетворённо прихлёбывая чистый чай, сказал он. — Действительно сыт.

Лу Бин оглянулся, убедился, что рядом никого нет, и медленно сказал:

— Ваше Величество, не нужно так экономить. Если нравится, можно вечером велеть малой кухне приготовить ещё.

— На ночной перекус лучше всего брать остатки: разогреть утку, хрустящее мясо с жареной стручковой фасолью, да ещё тарелку холодной каши — вот это наслаждение, — Ю Цун, прекрасно знавший прелесть такой простой жизни, махнул рукой. — Потом возьмишь коробку для еды и заберёшь всё, что не съели.

Лу Бин молча кивнул и, видя, что тот больше не хочет есть утку в лепёшках, сам начал есть.

Только насытившись и напившись, Ю Цун заинтересовался окружающей обстановкой.

Внизу были общие места, где музыкантши играли на пипе и пели песни.

Наверху — отдельные кабинеты, откуда доносились звуки застольных игр и смех.

Фарфоровые тарелки, вазы, резные балки и расписные стропила — всё было в подлинном древнем стиле.

До чего же интересно.

Император подождал, пока Лу Бин тоже отложит палочки, выпил ещё пару чашек чая и неторопливо поднялся, собираясь возвращаться во дворец.

Едва он открыл дверь, как из соседнего кабинета тоже вышли гости, смеясь и разговаривая.

Идущий впереди Чжао Хуан мельком взглянул в его сторону и остолбенел.

Он не ожидал, что император переоденется в обычную одежду и придёт есть утку. Он застыл на месте, не зная, то ли падать ниц, то ли делать вид, что не заметил.

— Министр Чжао? — Ю Цун совершенно естественно подошёл и похлопал его по плечу, с любопытством глядя на толпу учёных мужей за его спиной. — Это господин Хуан Цзе, заместитель министра Либу, а это письмоводитель Военного министерства... — поспешно представил Чжао Хуан.

Некоторые из них узнали императора, другие были в полном недоумении и спросили Чжао Хуана:

— А это кто?

«Это император, дружище!»

— Я тоже из рода Хуан, — улыбнулся Ю Цун. — Есть ещё дела, продолжим в другой раз.

Чжао Хуан, увидев, что император махнул рукой и спустился вниз, наконец выдохнул.

Лу Бин наконец закончил упаковывать, вышел с коробкой для еды, лишь мельком глянул на них и последовал за Ю Цуном вниз.

Вернувшись во дворец, Хуан Цзинь протянул ему цинцы и почтительно сказал:

— Сюй Цзе снова прислал цинцы.

Ю Цун мельком взглянул и положил бумагу на стол.

В последнее время он, словно редактор, заказывающий статьи, просил главного виночерпия Сюя писать цинцы и подавать ему.

Хотя глава жертвенного приказа ворчал про себя, качество его работы было неплохим, и он никогда не сдавал её поздно.

Ю Цун, ещё при первой встрече заметив, что этот Сюй-студент не очень доволен, придумал способ давать ему задания, чтобы притереть его характер.

Все эти учёные мужи поступали во дворец, изучая священные каноны, и не обязательно разбирались в интригах. Даже если он намеревался использовать его, нужно было действовать постепенно.

Этого большого хлопотника Янь Суна он, скорее всего, во дворец не пустит, а значит, у Сюй Цзе не будет возможности прокачаться через борьбу с ним.

Но если Сюй Цзе не сможет вырасти, кто же тогда будет вдохновлять и учить будущего Чжан Цюйчжэна?

Он сам перевернул всю историю, и теперь должен нести ответственность.

Ю Цун уже собрался было просмотреть доклады, чтобы убить время, как вдруг почувствовал, что что-то не так.

Он снова взял ту цинцы и внимательно перечитал.

Первые несколько иероглифов, если их соединить, складывались во фразу: «Я, ваш подданный, не хочу писать цинцы».

В целом текст был витиеватым, гладким и без изъянов.

Но если присмотреться, изъян был огромен.

Ю Цун снова соединил первые несколько иероглифов и внимательно перечитал.

«Сюй-малыш, ты что, осмелел?»

— Хуан Цзинь, принеси те цинцы, что Сюй Цзе прислал раньше.

Когда принесли, Ю Цун, пересматривая их, только горько усмехался.

Первые две-три цинцы у Сюй Цзе были совершенно обычными, без единого изъяна.

Но такое добро он, естественно, не желал разглядывать и оценивать — собрав задания, даже не смотрел.

Незаметно, за месяц-другой, Сюй Цзе начал пытаться вставлять в них свои «секретные послания», проверяя, заметит ли император.

Сначала он по диагонали вставлял строчку стихов, играл в палиндромы, а сегодня осмелел настолько, что тайком вставил фразу «Я, ваш подданный, не хочу писать цинцы»!

«Будь я тираном, уже послал бы цзиньживеев выпороть его по заднице!»

Ю Цун покосился на Лу Бина и подумал: «Ладно, не буду связываться с ним».

Он отложил цинцы, снова взял доклады и, набравшись терпения, прочитал две страницы.

— Бам!

Господин император швырнул кисть и вскочил:

— Я не могу его баловать!

Лу Бин, дремавший с закрытыми глазами, вздрогнул от неожиданности.

— А-Пан! Притащи сюда Сюй Цзе! — гневно воскликнул Ю Цун. — Я хочу как следует его расспросить!

«Господин Сюй давно уже вернулся в особняк и лёг спать... Который час?»

Лу Бин послушно ответил и удалился.

Примерно через время сжигания благовонной палочки, после доклада евнуха Хуана, в Дворец Небесной Чистоты снова вошёл Сюй Цзе в обычной одежде.

Раньше он тоже просил аудиенции, чтобы доложить о делах, но Ю Цун отказывал.

Он, словно приручая ястреба, хотел притереть характер этого молодого человека.

В истории Сюй Цзе, став свидетелем жестокой смерти Ся Яня и разгула клики Янь Суна, научился лавировать, скрывать свои таланты и медленно, как старая черепаха, обтачивал свой характер.

Но сейчас Ся Янь даже не стал главным министром, а Янь Сун всё ещё где-то в Нанкине занимал мелкую должность — этот Сюй Цзе был просто юношей в переходном возрасте!

Ю Цун, слегка раздражённый, смотрел на невозмутимого Сюй Цзе и холодно спросил:

— Знаешь, зачем я тебя позвал?

«Ночью заставлять меня работать сверхурочно — ты бунтовщик!»

Молодой Сюй Цзе, с лицом, нежным, как яшма, но с горящими глазами, ответил голосом, полным чистоты:

— Знаю.

«Ты!»

Ю Цун, застигнутый врасплох таким прямым признанием, не нашёлся что сказать и раздражённо спросил:

— Чего ты хочешь?

— Я не хочу писать цинцы, — Сюй Цзе, не унижаясь, смотрел прямо на пуговицы его драконьего халата и снова заговорил: — Цинцы — это то, что льстит и вводит в заблуждение, нагромождение красивых слов, лишённых пользы.

— Хм, довольно прямолинейно, — Ю Цун поднял бровь и холодно усмехнулся. — У тебя нет ни опыта, ни связей. Даже если я захочу тебя использовать, как это сделать?

— Я хочу пойти в Министерство общественных работ, — Сюй Цзе, собрав всё своё мужество, с трудом произнёс: — Раз уж Ваше Величество благоволит к вашему подданному, позвольте мне сказать одно слово.

— Эти так называемые дворцовые экипажи сейчас совершенно не готовы к использованию!

— Это ещё почему? — удивился Ю Цун.

Его — молодого человека XXI века, с двадцатилетним стажем поездок на общественном транспорте, новатора эпохи Цзяцзин — усомнились!

— Что вы имеете в виду?

Сюй Цзе, услышав, что император, кажется, не собирается гневаться, снова глубоко вздохнул и спокойно заговорил:

— Ваше Величество, я слышал, что в Шести министерствах ходят слухи, будто эти экипажи созданы для удобства торговли простого народа, верно?

— Верно, — кивнул Ю Цун. — Каждый экипаж может вместить тридцать человек, двух возниц и двух стражников для поддержания порядка.

— Но, Ваше Величество, если вы намереваетесь устроить рынок в южных предместьях, эти экипажи ни в коем случае нельзя проектировать так, — Сюй Цзе запнулся, чувствуя, как бешено колотится сердце. — Они перевозят людей, а не товары. Люди поедут в южные предместья, а товары как?

Услышав это, Ю Цуна как холодной водой окатило.

«Верно! Как же я об этом забыл!»

Сейчас есть восемь экипажей, конечно, можно выделить несколько для внутригородского сообщения.

Но те торговцы, что продают капусту и фарфор, вряд ли смогут ехать вместе со своим товаром на одном сиденье.

— И ещё, Ваше Величество, как вы думаете, могут ли женщины ехать в одном экипаже с мужчинами? — снова спросил Сюй Цзе. — Хотя по этикету и существует разделение полов, но Ваше Величество говорит о возрождении ремёсел. Экипажи созданы для пользы народа, а женщины — тоже часть народа.

Император замолчал на несколько секунд.

У него вдруг возникло желание сказать этому юноше: «Давай, императором будешь ты, а я пойду ловить рыбу, прощайте».

Но он, конечно, только подумал. В конце концов, Сюй Цзе не носил фамилию Чжу.

— Это действительно проблема, — сказал Ю Цун, подумав немного, и заметил, что Сюй Цзе всё ещё стоит.

Он не привык к такому высокому сиденью, как трон, поэтому спустился вниз и указал на место рядом, приглашая Сюй Цзе сесть.

Сюй Цзе опешил и отказался:

— Ваш подданный не осмелится.

— Евнух Хуан, принеси фрукты, нарежь немного груш, — Ю Цун, не желая тратить время на пустые церемонии, просто хлопнул рукой по столу, показывая, чтобы тот садился.

<http://bllate.org/book/20063/1984651>